

LEGEA ȘI VIAȚA

Publicație științifico-practică
ISSN 1810-309X

Întreprindere de stat
Fondator – Ministerul Justiției
al Republicii Moldova
Certificat de înregistrare
nr. 10202264 din 11.02.1993

Publicație acreditată de Consiliul
Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică
al Academiei de Științe a Moldovei prin
Hotărârea nr. 169 din 21.12.2017

Revista este inclusă în baza științifică internațională
Index Copernicus International (Republica Polonă)

Categoria C

Asociați: Curtea Constituțională, Curtea Supremă de Justiție, Ministerul Afacerilor Interne, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Institutul de cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei, Academia „Ștefan cel Mare” a MAI, Universitatea de Stat „B. P. Hasdeu” (Cahul), Universitatea Slavonă, Universitatea „Spiru Haret” (Constanța), Universitatea „Petre Andrei” (Iași), Universitatea de Stat din Herson (Ucraina).

Se editează din ianuarie 1991
Nr. 6/2 (318) 2018

Redactor-șef L. Arsene

Colegiul de redacție:

Gh. Alecu, doctor în drept, profesor universitar (Constanța, România); T. Barzo, doctor hab. în drept, profesor, (Miskolc, Ungaria); Gh. Costachi, doctor hab. în drept, profesor univ.; V. Cușnir, doctor hab. în drept, profesor univ.; D. Garadjaev, doctor în drept, profesor, Judecătoria la Curtea Constituțională (Bacu, Azerbaidjan); E. Haritonov, doctor hab., profesor, membru cor. al AND (Odesa, Ucraina); E. Ișenco, doctor hab. în drept, profesor (Moscova, FR); T. Kolomoieț, doctor hab. în drept, profesor (Zaporojie, Ucraina); J. Kovac, doctor hab. în drept, profesor, Universitatea Paneuropeană (Bratislava, Slovenia); A. Lonciacov, doctor hab. în drept, profesor (Habarovsk, FR); V. Stratonov, doctor hab. în drept, profesor (Herson, Ucraina); V. Șepitico, doctor hab. în drept, profesor, membru cor. al AND (Harcov, Ucraina).

Adresa redacției:
Casa presei, et. 5
str. Pușkin 22, mun. Chișinău, MD – 2012,
Republica Moldova
Tel.: 022-233 790;
022-234 132 (contabilitatea)

E-mail: publicare@legeasiviata.in.ua
Index: RM 77030

© Legea și viața
Pagina web: www.legeazakon.md
www.legeasiviata.in.ua

СОДЕРЖАНИЕ

Эмад АЛЬМАГАРИЗ. Международно-правовое закрепление сотрудничества Украины и Иордании в научно-технической сфере.....	3
Андрей БОРОВИК, Александр КОЛЬ. О влиянии криминальной субкультуры на формирование детерминант коррупционной преступности в Украине.....	7
Дмитрий ВАСИН. Способ вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией или принуждения их к занятию проституцией.....	11
Алексей ВОЛОШКО. Декрет о земле: средство правового регулирования или политической борьбы?.....	15
Роман ГАЛИЧ. Реалии развития гражданского общества в Украине на современном этапе.....	19
Юлия ГОДОВАНЕЦ. Основные подходы к пониманию оснований дисциплинарной и материальной ответственности в трудовом праве.....	23
Андрей ЗАБОЛОТНЫЙ. Концептуальные подходы к совершенствованию организационно-правового механизма регулирования профессиональной деятельности в сфере государственной службы Украины.....	27
Юлия ИВЧЕНКО. Конституционный патриотизм как фактор консолидации народа и гарант защиты прав гражданина.....	32
Алла ЙОСЫПИВ. Бездомность и преступность: причины и меры нейтрализации.....	37
Владислав КАРЕЛИН. Проблемы персонала, обеспечивающего соблюдение административно-правовых режимов в сфере организации исполнения наказаний.....	41
Руслан КОМИСАРЧУК. Идея техники как предпосылка формирования технологической парадигмы криминалистики.....	45
Виталий КОНДРАТЕНКО. Теоретико-правовые аспекты административно-правовых средств обеспечения здравоохранения лиц с инвалидностью в Украине.....	50
Надежда МАКСИМЕНЦЕВА. Публичное администрирование в области использования и охраны недр Королевства Норвегии.....	55
Станислав МОЗОЛЬ. Параметры национальной модели обеспечения криминологической безопасности.....	59
Юлия МОЛЧАНОВА. Институт местного референдума: опыт зарубежных стран, перспективы для Украины.....	62
Ольга МОСТОВЕНКО. Декларация о выборе врача первичной медицинской помощи: договор о предоставлении медицинской помощи или заявление о намерении получать медицинские услуги?.....	66
Владимир ПАШИНСКИЙ. Гражданское общество как субъект обеспечения обороны государства: современный опыт Украины.....	71

УДК 340.158

ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ: СРЕДСТВО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ?

Алексей ВОЛОШКО,
кандидат исторических наук, доцент,
профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Хортицкой национальной учебно-реабилитационной академии

АННОТАЦИЯ

В статье проанализирован Декрет о земле и его влияние на регулирование аграрных отношений в период военной интервенции в Украину большевистской России. Сделан вывод о том, что Декрет как юридический документ имел серьёзные проблемы. Его автор – В. Ленин – отвёл ему роль средства борьбы за политическую власть. Декрет о земле, военная интервенция и деятельность органов власти большевиков на селе стали факторами дестабилизации аграрных отношений в Украине.

Ключевые слова: Декрет о земле, правовое средство, юридический механизм, политическая борьба, военная интервенция, революционные комитеты, правонарушения, помещичьи экономии, Учредительное собрание, Центральная Рада.

DECREE ON LAND: THE LEGAL REGULATION OR POLITICAL STRUGGLES?

Aleksey VOLOSHKO,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines
of Khortytsia National Educational Rehabilitation Academy

SUMMARY

The article reviewed decree on land and its influence on the regulation of agrarian relations between military interventions into Ukraine of Bolshevik Russia. It has been concluded that the decree had serious gaps as a legal document. The author – V Lenin, used it as the means of struggle for political power. The Decree on land, military intervention and activity of Bolsheviks in the village had become factors of destabilization of agrarian relations in Ukraine.

Key words: Decree on land, legal remedy, legal mechanism, political struggle, military intervention, revolutionary committees, offences, landlords' savings, Constituent Assembly, Central Rada.

Постановка проблемы. Современная Украина находится на этапе глубокого обновления социально-экономических, политико-правовых, культурно-духовных основ жизни общества, именуемого модернизацией. Оно началось чуть более ста лет назад, надолго прерывалось в результате потери суверенитета и возобновилось на рубеже тысячелетий. Процессы обновления проходят сложно и противоречиво, в первую очередь это касается освобождения общественного сознания от стереотипов недалёкого тоталитарного прошлого.

Актуальность темы исследования. В таких условиях продолжают оставаться актуальными исторические исследования истоков процесса модернизации, которые основываются на достижениях современных теоретико-правовой, исторической наук и объективном изучении документальных материалов.

Состояние исследования. Избранная для исследования проблема была предметом изучения советских и современных историков. Первые трактовали её однозначно в рамках официальной концепции истории советского общества, созданной идеологической службой компартии. Современные исследователи начали результативный процесс её глубокого переосмысления с позиций научной объективности. Так, в диссертационном исследовании И.М. Зарицкой Декрет о земле рассматривается в контексте изучения первоисточников украинского советского законодательства. Отмечается его чрезмерная обобщённость и декларативность [1]. К. Гуца исследовала влияние Декрета о земле на земельные правоотношения в современной Украине [2].

Целью и задачей статьи является анализ Декрета о земле в контексте военно-политических событий и фактических аграрных отношений зимой 1917–1918 г. в Украине.

Изложение основного материала. Характерным явлением периода интервенции в Украину российских большевистских войск зимой 1917–1918 г. были погромы помещичьих имений, а именно разграбление скота, инвентаря, семян, предметов домашнего обихода, разрушение построек и т.д. С юридической точки зрения это были проявления неправомерного поведения, правонарушения в сфере аграрных отношений.

Советская историография квалифицировала это явление исключительно как борьбу крестьянства против Центральной Рады: «Борьба крестьян за осуществление Декрета о земле заметно активизировалась после решения I Всеукраинского съезда Советов о распространении действия ленинских декретов на Украину. Несмотря на противодействие Центральной Рады, которая стремилась с помощью демагогических обещаний, с одной стороны, и применения вооружённой силы

с другой, задуть или хотя бы приостановить крестьянское движение, крестьяне всё шире разворачивали борьбу за землю, которая по своему размаху превратилась в массовые крестьянские восстания» [3, с. 55–56].

Надуманность таких утверждений вполне очевидна. Во-первых, как свидетельствуют документы, на псевдосеукраинском съезде Советов (11–12 декабря 1917 г.), организованном большевиками в Харькове, не было ни одного делегата от крестьянства Украины, а в это же время (12–17 декабря 1917 г.) в Киеве работало Восьмое общее собрание (около 800 депутатов – А.В.) Центральной Рады и наибольшее представительство в нём имели мало-земельные и безземельные депутаты-крестьяне. Именно они сыграли решающую роль в определении базовых положений законопроекта о земле Центральной Рады, добившись его радикализации. Во-вторых, погромное движение приобрело широкие масштабы на той территории Украины, которую оккупировали российские большевистские войска. В-третьих, погромное движение было направлено против института крупной земельной собственности.

Документальные материалы свидетельствуют, что аграрные погромы были обусловлены несколькими факторами, и в первую очередь военной интервенцией в Украину российских большевистских войск. Неопределённость общеполитического положения страны порождала у крестьянства сомнения, которые приводили его к убеждению: чтобы навсегда покончить с панами-помещиками, чтобы не смогла восстановиться их власть, необходимо разрушить их «гнезда», стереть помещичьи имения с лица земли [4].

Следующим фактором, который спровоцировал аграрные погромы, стал Декрет о земле Совета народных комиссаров РСФСР [5, с. 24–26], подготовленный единолично В. Лениным и оглашённый им на II Всероссийском съезде Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г. Он был очень противоречивым документом и содержал несколько правовых коллизий. Декрет состоял из пяти норм, написанных В. Лениным, и добавленного к ним «Крестьянского наказа о земле», изложенного в восьми пунктах. Авторские нормы (ст. ст. 1–4) устанавливали следующую модель

правового регулирования аграрных отношений. Окончательное решение аграрного вопроса выносилось на Всероссийское Учредительное собрание. До этого времени уездным Советам крестьянских депутатов предписывалось провести такие мероприятия: конфисковать помещичьи имения, определить участки помещичьих земель, которые подлежат отчуждению, составить точную опись конфискованного имущества и обеспечить его охрану. Конфискованные земли и имущество передавались до момента проведения Учредительного собрания в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов [5, с. 24]. Таким образом, в первых четырёх статьях автор Декрета признал право на окончательное урегулирование аграрного вопроса за Учредительным собранием. По логике, это означало, что Учредительное собрание должно было определить и утвердить принципы и нормы земельного закона, согласно которому будет проводиться реформа. А мероприятия (конфискация, опись, охрана), которые должны были осуществить уездные Советы крестьянских депутатов до Учредительного собрания, носили подготовительный характер.

Однако вопреки вышеуказанным положениям, в ст. 4 законодатель обязал до проведения Учредительного собрания руководствоваться в осуществлении аграрных преобразований «Крестьянским наказом о земле», который не был нормативно-правовым документом и представлял собой программные положения аграрной реформы, составленные редакцией эсеровской газеты «Известия Всероссийского Совета крестьянских Депутатов» на основании 242 крестьянских наказов. Они, как пожелания крестьян, выносились редакцией на рассмотрение будущего Учредительного собрания и содержали в обобщённой форме полный комплекс мер по осуществлению аграрной реформы, в частности: раздел земли, определение форм и принципов землепользования, передача сельским общинам в пользование конфискованных культурных хозяйств, инвентаря и т.п. Так вот, именно эти программные положения автор Декрета провозгласил «временным законом», который до Учредительного собрания должен быть

проведён в жизнь немедленно [5, с. 26]. По сути, он требовал, чтобы аграрная реформа в полном объёме была проведена до Учредительного собрания. Это противоречило «Крестьянскому наказу», в котором подчёркивалось, что вопрос о земле, в полном его объёме, может быть решён только всенародным Учредительным собранием, а также ст. ст. 2, 3 и частично положениями ст. 4 Декрета, которые предписывали до момента проведения Учредительного собрания лишь взять на учёт и под охрану конфискованные имения [5, с. 24].

Кроме того, «Крестьянский наказ» как программный, а не юридический документ, не содержал юридического механизма реализации предложенных положений, детального определения полномочий органов, которые будут их реализовывать и т.д. В частности, в нём в общей форме указывалось (п. п. 5, 8), что весь хозяйственный инвентарь конфискованных имений переходит в пользование государства или общины, а разделом земель заведуют местные и центральные органы самоуправления, начиная от демократически организованных бессловных сельских и городских общин и заканчивая центральными областными учреждениями [5, с. 25–26]. При этом не указывалось: 1) какие конкретно органы самоуправления будут осуществлять раздел земли, и каковы их полномочия относительно этого, а также отношения субординации между ними; 2) какой орган будет определять принадлежность конфискованного имущества государству или общине; 3) каким способом сельская община будет пользоваться конфискованными культурными хозяйствами. Перечень таких крайне важных, но неурегулированных вопросов можно было бы продолжить. К этому следует добавить, что «Крестьянский наказ», запрещая (п. 3) раздел между крестьянами земельных участков с высококультурными хозяйствами (сады, плантации, питомники) для передачи в целом в пользование государства, не содержал такого запрета для конфискованных конских заводов, казённых и частных племенных хозяйств животноводства и птицеводства (п. 4). Объективно это провоцировало членов сельских общин к разделу этих сельскохозяйственных предприятий и к их разрушению.

Существенная коллизия наблюдалась между ст. 5 Декрета и п. 1 «Крестьянского наказа». Указанный пункт провозглашал ликвидацию навсегда частной собственности на землю. Это означало, что все категории земель подлежали безвозмездному отчуждению (конфискации) для создания общенародного земельного фонда. Речь идёт о государственных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных, посессионных, майоратных, частнособственнических, общинных и даже крестьянских землях [5, с. 25]. В то же время в ст. 5 Декрета провозглашалось, что земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются [5, с. 26]. При этом автор не пояснил, кого следует отнести к рядовым крестьянам и казакам.

Вследствие указанных обстоятельств придавать «Крестьянскому наказу» статус закона, нормативно-правового акта высшей юридической силы и применять его для проведения грандиозных по масштабам аграрных преобразований на огромных просторах бывшей империи, да ещё и за короткий срок (чуть более, чем за два месяца до созыва (5 января 1918 г.) Учредительного собрания) было безответственно и преступно, потому что вместо правового регулирования аграрных отношений его применение провоцировало их дезорганизацию, разрушение агрокультурных ценностей и обострение социально-политической ситуации на селе.

В. Ленин как юрист по специальности, не мог не осознавать глубоких противоречий Декрета о земле. Так, в октябре 1922 г., вспоминая о нём, он признал, правда, в очень дипломатичной форме, что Декрет был технически и юридически очень несовершенным [6, с. 247]. Об этом в 1917 г. говорили В. Ленину левые эсеры, критикуя Декрет за схематизм [7, с. 58]. Однако В. Ленин высказался против каких-либо поправок и детализации законопроекта, утверждая, что «крестьянство само, лучше нас, сумеет правильно, так, как нужно, решить вопрос» [5, с. 27]. Прибегнув к правовой демагогии, играя роль крестьянского демократа, он выступил против организующей роли тогдашнего госаппарата в проведении аграрной реформы, сославшись на его бюрократизм, и утверждал, что нужно дать полную свободу народным массам, поскольку «крестьяне кое-чему

научились за время восьмимесячной революции, они сами хотят решить все вопросы о земле» [5, с. 25].

Рассмотрим фактические аграрные отношения на подконтрольной большевикам территории Украины на примере Сумщины (современная Сумская область Украины – *А.В.*). С 29 декабря 1917 г., когда Сумщина уже была оккупирована большевиками, здесь начался массовый разгром помещичьих имений. Источники сообщают о продовольственной разрухе, которая углублялась на фоне зарождения борьбы города с селом и недоверия крестьян к уездным органам власти. Крестьяне не считали свои действия в отношении помещичьих имений погромными и заявляли, что забрали то, что принадлежит им по праву. Тогдашняя эсеровская пресса отмечала, что на селе зародилось и всё больше ширилось новое движение, которое по своему характеру походило на «анархо-коммунизм». Так, «народ» в толковании крестьянства означал сельское или волостное *общественное собрание*. «Народная власть» мыслилась как *коллективная воля* всех членов данного общества, непосредственно выявленная на собрании. Только *постановления* своих общих собраний имели в деревне силу *закона*. Все органы самоуправления были только терпимы, и ни одно их начинание, неудобное «народу», не проходило в жизнь без трений, зачастую довольно серьёзных. Каждое сельское общество стремилось к обособлению от остального мира, чуть ли не каждое село или деревня считали себя независимыми республиками, самостоятельно разрешающими тот или иной вопрос, представляющий значительное значение не только для уезда, но и для всего государства. Это движение поддерживалось, главным образом, нахлынувшей с фронта массой солдат, то ли уволенных со службы, то ли приехавших в более или менее продолжительные отпуска. Они организовывали в сёлах Советы солдатских депутатов, которые руководили сельским обществом в духе явного анархизма. В частности, чуть ли не каждое село присвоило себе суверенные права над расположенным в его районе помещичьим имением, где и распоряжалось землёй и имуществом, не

обращая внимания на уездные органы власти: земство, земельный и продовольственный комитеты [8].

В это время в сёлах наблюдался социально-политический конфликт, обусловленный различиями в политико-правовых взглядах представителей старшего и молодого поколений. Экстремистски настроенная часть демобилизованных солдат, нередко вооружённых, правосознание которых было деформировано в тяжелейших боевых условиях на фронте и вследствие безвластия в армии летом-осенью 1917 г., игнорировала авторитет представителей старшего поколения, которые традиционно на сельских сходах играли ведущую роль во время принятия решений, критиковали их конструктивную позицию относительно сотрудничества с центральной и местной властью и силовым способом навязывали односельчанам анархические взгляды на урегулирование аграрных отношений [9, с. 461]. Они создавали на селе свои органы управления, по образцу печально известных солдатских комитетов, которые разрушили централизованную организацию и дисциплину в армии. Опираясь на незаконно созданные органы управления, солдаты проводили своевольный раздел имущества и земель помещичьих имений.

Свой весомый «вклад» в разгром экономий сделали большевистские военно-революционные комитеты (ревкомы). Там, где утвердились ревкомы, многие из них организовывали и осуществляли массовые ограбления помещичьих имений, в том числе и тех, которые имели агрокультурную ценность. Например, в Борзнянском уезде Черниговской губернии «крестьяне разрушили все имения, распродали всякое имущество и инвентарь под руководством созданных в каждом селе революционных комитетов, которые частично деньги разделили между собой, а частично раздали беднякам» [10, л. 104.]. На Полтавщине, в с. Поповка Миргородского уезда крестьяне, напуганные большевиками, вынуждены были принимать участие в организованном ограблении помещичьего имения. Причём на сельском сходе, под давлением большевиков, было принято постановление, согласно которому, «кто не пойдёт грабить, будет платить штраф» [10, л. 115].

Архивные документы содержат факты противодействия сознательно-крестьянства разрушительной деятельности ревкомов. Так, в Гадячском уезде Полтавской губернии нелегально функционировал комитет Украинской социал-демократической партии (УСДРП) во главе с бывшим инструктором Генерального секретариата земельных дел Украинской Народной Республики (УНР) Б. Онипко. Члены этого комитета вели антибольшевистскую пропаганду среди крестьянства, объясняли ход военно-политических событий, препятствовали вступлению крестьян в «красную гвардию». «Этим только мы и спасли село от больших грабежей и разрухи», – вспоминал позднее Б. Онипко [10, л. 58].

Переяславский уездный земельный комитет 12 февраля 1918 г., взяв во внимание крестьянские наказы, принял постановление, положения которого противоречили погромной деятельности ревкомов. Пункт третий этого постановления, составленный с умеренных и лояльных позиций, давал разрешение оставлять собственникам нетрудовых хозяйств, если они изъявят желание заниматься земледелием, одну пару волов, одну пару коней, две коровы, десять овец, две повозки, сеялку, плуг, культиватор и т.п. Для тех собственников, которые занимали какую-то общественную должность, предоставлялось право пользоваться фазгоном и парой выездных лошадей. Примечание к п. 2 указанного постановления предписывало крестьянам вернуть самовольно захваченный и проданный инвентарь помещичьих имений для законного раздела [10, л. 23].

Выводы. Анализ норм Декрета о земле и ход социально-политических событий, которые произошли после его опубликования, показывают, что В. Ленин подготовил его не для правового регулирования аграрных отношений. Как опытный политик, он отвёл ему роль инструмента в борьбе большевиков за политическую власть путём дестабилизации социально-политической ситуации на селе и отстранения эсеровских земельных комитетов, в частности, Главного земельного комитета в Петрограде, губернских и уездных земельных комитетов на местах, от руководства аграрной реформой [11, с. 133–161]. По признанию В. Ле-

нина, «необходима была полоса пропаганды декретами; это было нужно для успеха революции» [12, с. 429]. Декрет активно использовался для агитации крестьян голосовать за большевистский список во время выборов в ноябре 1917 г. во Всероссийское Учредительное собрание. Однако выборы большевики проиграли. Поэтому применяя в невиданных масштабах политическую и правовую демагогию, они использовали Декрет для дискредитации своих политических оппонентов в России – эсеров и меньшевиков, а в Украине – Центральной Рады (революционно-демократический парламент), и их модели правового регулирования аграрных отношений в режиме парламентской демократии через Учредительное собрание. Ленинцы стремились опередить своих политических оппонентов и не допустить решения аграрного вопроса Всероссийским Учредительным собранием, или Украинской Центральной Радой, поскольку тогда они не смогли бы манипулировать сознанием широких крестьянских и солдатских масс для удержания власти, уничтожения режима парламентской демократии и своих политических оппонентов. Декрет способствовал активизации и объединению экстремистских элементов на селе, радикализации правового сознания у определенной части крестьянства, формирования у неё правового нигилизма и анархических настроений. Поэтому он стал одним из факторов, которые спровоцировали массовый разгром помещичьих имений, уничтожение агрокультурных ценностей. Следовательно, никак нельзя согласиться с утверждением советской историографии, что Декрет о земле стал юридическим источником в правовом регулировании земельных отношений. Используя Декрет как средство политической борьбы, большевики довольно быстро от него отказались, поскольку в нём был заложен принцип социализации земли, который мешал организации «коммунистического» земледелия. Уже 27 января (9 февраля) 1918 г. был утверждён «Основной закон о социализации земли», в который, несмотря на название, большевикам удалось с помощью процедурных уловок во время голосования и обмана своих тогдашних политических союзников – левых эсеров – заложить принцип

национализации земли [13, с. 347–348], столь необходимый для установления диктата большевиков в сфере аграрных отношений и проведения в ближайшей перспективе социальных экспериментов над крестьянством.

Список использованной литературы:

1. Заріцька І.М. Історичний досвід розвитку земельного законодавства в Україні (1917-1921 рр.): автореферат дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 «Теорія та історія держави і права; історія політичних і правових учень». Київ, 2009. 20 с.
2. Гуца К. Вплив Декрету про землю 1917 року на сучасні земельні правовідносини: міф чи реальність? Підприємництво, господарство і право. 2016. № 8. С. 78-81.
3. Кувшинов П. Здійснення перших лєнінських декретів на Україні. К.: Політвидав України, 1973. 85 с.
4. Земля и воля. 1918. 21 февраля.
5. Ленин В. Доклад о земле 26 октября (8 ноября). Полн. собр. Изд. 5-е. М.: Изд-во полит. литературы, 1974. Т. 35. С. 23–27.
6. Он же. Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 245–251.
7. Он же. Выступления по запросу левых эсеров на заседании ВЦИК 4 (17) ноября 1917 г. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 58–59.
8. Земля и воля. 1918. 30 января; 21 февраля.
9. Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Февраль 1917-апрель 1918. Сб. докум. и матер: в 3-т. К.: Госполитиздат, 1957. Т. 3. 998 с.
10. Центральный государственный архив высших органов государственной власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 1060. Оп. 1. Д. 25.
11. См. подроб.: Луцкий А.Е. Политика Советской власти по отношению к земельным комитетам. Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1959. Т. 13. С. 133–161.
12. Ленин В. Письмо к Л.Б. Каменеву. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 427–430.
13. См. подроб.: Волошко О.О. Нормотворчість у сфері аграр-